www.volsu.ru

DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.7
UDC 93/943
LBC 63.3(2)6

Submitted: 15.09.2024
Accepted: 18.01.2025

ADAPTATION OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF KAZAKHSTAN TO THE ADMINISTRATIVE AND COMMAND SYSTEM (1925–1932)

Samal Sagnaikyzy
Almaty Technological University, Almaty, Kazakhstan

Spatay A. Sartaev
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* The article examines the trend that began in the second half of the 1920s, when Soviet law became an instrument subordinate to the administrative command system and serving the interests of the totalitarian regime. During this period, Soviet law enforcement agencies were formed in Kazakhstan, which, in an effort to ensure "revolutionary legality" during the political and economic campaigns of the 1920s and 1930s, often distorted and exceeded their powers, departing from constitutional norms. *Methods and materials.* The study is based on the principles of historicism, objectivity, and historical comparability, using historical research methods. Documents from the Archive of the People's Commissariat of Justice (1380 fond), the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (Kazakh Regional Committee of the CPSU(b), 141 fond), and regulatory documents of the Kazakhstan Regional Committee of the RCP(b) were used as a source base. *Analysis.* An analysis shows that law enforcement agencies have become the main means of implementing these campaigns, turning into puppets of the Soviet administrative and power system and starting the process of adapting to it. *Results.* In the 1920s and 1930s, law enforcement agencies occupied a central place in the implementation of economic and political campaigns. They also carried out the political decisions of the Communist Party, ensuring their strict implementation. Thus, law enforcement agencies became an important tool of the Soviet government to control and suppress resistance in the context of radical social and economic transformations. During the implementation of these campaigns, Soviet law enforcement agencies acted in strict accordance with the instructions of the Communist Party, which often led to excessive activity and abuse of official authority. The inability of law enforcement and administrative bodies to effectively perform their functions in these conditions has led to human rights violations. Since most of the criminals identified during the Soviet political and economic campaigns belonged to the working population, this contradicts the original concept of the Bolsheviks about protecting the interests of citizens by the forces of Soviet law enforcement agencies. On the contrary, it indicates that law enforcement agencies have become an integral part of the administrative and governmental system. In this study, we analyze the process of integrating human rights organizations into the Soviet administrative and legal system. *Authors' contribution.* Samal Sagnaikyzy developed the research concept, carried out the historical analysis, examined archival and historiographical sources, interpreted the results, and prepared the manuscript. Spatay Sartaev participated in discussing the source base, including regulatory documents and historical-legal sources of the Soviet period, contributed to the interpretation of the findings, and took part in revising the final version of the manuscript.

Key words: law enforcement agencies, command and administrative system, abuse of power, 1925–1932, repression, terror, Soviet government.

Citation. Sagnaikyzy S., Sartaev S.A. Adaptation of Law Enforcement Agencies of Kazakhstan to the Administrative and Command System (1925–1932). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 4, pp. 86-98. (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.7

© Сагнайкызы С., Сартаев С.А., 2026

УДК 93/943
ББК 63.3(2)6

Дата поступления статьи: 15.09.2024
Дата принятия статьи: 18.01.2025

АДАПТАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАЗАХСТАНА К АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНОЙ СИСТЕМЕ (1925–1932 гг.)

Самал Сағнайқызы

Алматинский технологический университет, г. Алматы, Казахстан

Спатай Алтынбекович Сартаев

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается тенденция, начавшаяся во второй половине 1920-х гг., когда советское право стало инструментом, подчиненным административно-командной системе и служащим интересам тоталитарного режима. В указанный период в Казахстане были сформированы советские правоохранительные органы, которые, стремясь обеспечить «революционную законность» в ходе политических и экономических кампаний 1920-х и 1930-х гг., нередко искажали и превышали свои полномочия, отступая от конституционных норм. *Методы и материалы.* Исследование основано на принципах историзма, объективности и исторической сопоставимости с применением конкретно-исторического, сравнительно-исторического и аналитического методов. В качестве источниковой базы были использованы документы из Архива Наркомата Юстиции (НКЮ, 1380 фонд), Архива Президента Республики Казахстан (Казахский краевой комитет ВКП(б), 141 фонд), нормативные документы Казахстанского областного комитета РКП(б). *Анализ.* В 1920–1930-е гг. правоохранительные органы занимали центральное место в осуществлении экономико-политических кампаний. Они также исполняли политические решения коммунистической партии, обеспечивая их строгое выполнение. Таким образом, правоохранительные органы стали важным инструментом советской власти для контроля и подавления сопротивления в условиях радикальных социальных и экономических преобразований. В процессе реализации этих кампаний советские правоохранительные органы действовали в строгом соответствии с указаниями коммунистической партии, что нередко приводило к избыточной активности, злоупотреблениям и превышению должностных полномочий. *Результаты.* Неспособность правоохранительных и административных органов эффективно исполнять свои функции в данных условиях привела к нарушениям прав человека. Поскольку большинство преступников, выявленных в ходе советских политико-экономических кампаний, принадлежали к трудовому населению, это вступает в противоречие с изначальной концепцией большевиков о защите интересов граждан силами советских правоохранительных органов. Напротив, это свидетельствует о том, что правоохранительные органы стали неотъемлемой частью административно-властной системы. В рамках данного исследования мы анализируем процесс интеграции правозащитных организаций в советскую административно-правовую систему. *Вклад авторов.* Самал Сағнайқызы – исторический анализ, осуществила работу с архивными материалами, историографическими источниками и подготовила текст статьи. Спатай Сартаев – обсуждение структуры исследования, анализ нормативных документов советского периода и согласование окончательной редакции статьи.

Ключевые слова: правоохранительные органы, командно-административная система, злоупотребление властью, 1925–1932 гг., репрессии, террор, советская власть.

Цитирование. Сағнайқызы С., Сартаев С. А. Адаптация правоохранительных органов Казахстана к административно-командной системе (1925–1932 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 4. – С. 86–98. – DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.4.7

Введение. Анализ процесса приспособления правоохранительных органов Казахстана к административно-командной системе позволяет глубже понять механизмы трансформации государственного управления в период формирования сталинской модели власти, а также проследить изменение роли органов прокуратуры, юстиции, судов и государственной безопасности в реализации партийно-государственной политики. Переход к административно-командной системе в Казахстане во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. сопровождался не только изменением структуры государственного управления, но и перестройкой организационного устройства, функций и практической деятельности правоохранительных органов.

Цель исследования – выявить основные направления процесса приспособления правоохранительных органов Казахстана к административно-командной системе в 1925–1932 гг. и определить проявления этого процесса в организационной структуре, функциях, правоприменительной практике и кадровой политике. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

– определить изменения в организационной структуре правоохранительных органов и показать усиление роли ОГПУ в системе государственного управления;

– установить влияние политико-экономических кампаний на изменение функций, полномочий и правоприменительной практики органов прокуратуры, юстиции, судов и ОГПУ;

– показать значение кадровой политики, уровня профессиональной подготовки, социального происхождения и партийной принадлежности работников как одного из направлений приспособления правоохранительных органов к административно-командной системе.

Хронологические рамки исследования охватывают 1925–1932 годы. Нижняя граница обусловлена началом деятельности Ф.И. Голощекина в качестве первого секретаря Казкрайкома ВКП(б), с которой связано укрепление партийного контроля, расширение участия правоохранительных органов в реализации государственных кампаний и изменение их функций. Верхняя граница определяется периодом наибольшей активности политико-экономических кампаний, когда процесс приспособления правоохранительных органов к административно-командной системе завершился.

Историография. В советской историографии деятельность правоохранительных органов рассматривалась в контексте становления советской правовой системы, развития социалистической законности и функционирования судебно-прокурорских органов. К числу таких исследований относятся работы Т.Н. Добровольской, С.Г. Новикова и М.Ю. Рагинского [5], сборник «История политических и правовых учений» [14], а также исследование М.С. Малярова [18]. Основное внимание в это время уделялось партийным и идеологическим аспектам, ученые фокусировались на политических успехах и идеологических достижениях. Работы советских историков важны, однако в свете современных реалий их необходимо пересмотреть. В них нет глубокого анализа реальных изменений в деятельности правоохранительных органов и их адаптации к новой системе, не затронуты в должной мере сложные процессы преобразования и репрессивные практики внутри правоохранительных структур.

Среди ученых постсоветского периода, предоставивших обоснованную историческую оценку деятельности казахстанских правоохранительных органов в новейший период, следует выделить Таласа Омарбекова. В его работах проведен анализ адаптации правоохранительных органов к советской административно-командной системе в контексте политико-экономических кампаний 1920–1930-х годов. В статье «Шаруаларға шабуыл қалай басталды?» Т. Омарбеков анализирует предпосылки и особенности проведения государственной политики в казахском ауле в конце 1920-х – начале 1930-х годов [25]. В работе «Қазақстанда революциялық заңдылық қалай жүргізілді?» автор уделяет особое внимание деятельности правоохранительных органов и практике реализации революционной законности в Казахстане в рассматриваемый период [24]. В следующем исследовании Т. Омарбекова «20–30 жылдардағы Қазақстан қасіреті» рассматривается деятельность правоохранительных органов в ходе политико-экономических кампаний 1920–1930-х гг., их интеграция в административно-командную систему и роль в реализации государственной политики в условиях советской модернизации [23]. В работе М.К. Козыбаева «Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства», написанной в соавторстве с Ж.Б. Абылхожиным и К.С. Алдажумановым, рассматриваются особенности реализации политики советской власти в период коллективизации [35]. Отдельные аспекты формирования административно-командной системы и ее социально-экономических механизмов рассматриваются в работе Ж.Б. Абылхожина [1, p. 204–206]. Вместе с тем в казахстанской историографии отдельные аспекты включения правоохранительных органов в систему совет-

ского управления рассмотрены недостаточно комплексно.

Также по теме статьи имеются исследования, выполненные российскими учеными, посвященные отдельным аспектам формирования административно-командной системы и функционирования правоохранительных органов. Данные работы расширяют представление о рассматриваемой проблематике и создают дополнительную основу для анализа процессов, изучаемых в настоящем исследовании. К ним относятся статьи Р.М. Нуреева [22], К.Т. Камалова [15], учебник В.Н. Бибило «Судоустройство» [2]. В данных работах нашли отражение отдельные аспекты функционирования советской системы управления, правовых институтов и деятельности правоохранительных органов. Среди зарубежных исследований следует отметить работу американского историка Шейлы Фицпатрик Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s, посвященную исследованию механизмов функционирования сталинской системы, государственного контроля и повседневной жизни советского общества в 1930-е гг., что позволяет рассматривать рассматриваемые в статье процессы в более широком общесоюзном контексте [9].

Методы и материалы. Исследование основано на комплексном использовании архивных и опубликованных источников, что позволило проследить процесс приспособления правоохранительных органов Казахстана к административно-командной системе в 1925–1932 годы. В работе применены конкретно-исторический, историко-генетический, историко-сравнительный и аналитический методы. Конкретно-исторический метод позволил реконструировать процесс изменения структуры, функций и полномочий правоохранительных органов в конкретных исторических условиях. Историко-генетический метод использован для выявления последовательности организационных и кадровых преобразований в деятельности прокуратуры, судебных органов, Народного комиссариата юстиции и ОГПУ. Историко-сравнительный метод применен при сопоставлении нормативных актов, архивных документов и практики деятельности различных правоохранительных органов на отдельных этапах исследуемого периода. Аналитический метод использован при исследовании партийных постановлений, циркуляров, архивных материалов и публикаций периодической печати с целью выявления механизмов приспособления правоохранительных органов к административно-командной системе. Количественные сведения, содержащиеся в архивных документах, использованы при характеристике кадрового состава, уровня образования, социального происхождения и текучести кадров работников правоохранительных органов.

В исследовании также использован подход memory studies («исследования исторической памяти»), рассматривающий историческую память как общественный и политический феномен, формирующий представления о прошлом. Применение данного подхода позволило рассматривать деятельность правоохранительных органов не только как элемент государственного управления, но и как часть исторического опыта, оказавшего влияние на формирование общественной памяти о политико-экономических кампаниях конца 1920-х – начала 1930-х годов. В этом контексте материалы периодической печати, в частности газеты «Еңбекші Қазақ», рассматриваются как источник изучения партийного дискурса того периода, отражавшего способы интерпретации деятельности судебных и правоохранительных органов в условиях утверждения административно-командной системы.

Основной массив источников составили документы Архива Президента Республики Казахстан (фонд 141) и Центрального государственного архива Республики Казахстан (фонд 1380), содержащие постановления партийных органов, циркуляры Народного комиссариата юстиции, материалы прокуратуры, отчеты правоохранительных органов и служебную переписку. Использование этих документов позволило реконструировать организационные изменения, кадровую политику и практическую деятельность правоохранительных органов в рассматриваемый период.

Важными опубликованными источниками являются сборник «Систематическое собрание законов Казахской Автономной Советской Социалистической Республики, действовавших на 1 января 1930 г.», содержащий

нормативные акты, регулировавшие проведение политико-экономических кампаний [36], а также брошюра «Материал к отчету ЦИК КазССР на 3-й сессии ВЦИК XIII созыва», включающая статистические сведения о состоянии революционной законности, структуре правоохранительных органов и результатах их деятельности в 1924–1928 гг. [19].

Существенное значение для исследования имели труды первого секретаря Казахского краевого комитета ВКП(б) Ф.И. Голощекина, отражающие официальное представление партийного руководства о проводимых преобразованиях. В работе, посвященной десятилетию Октябрьской революции, приведены сведения о структуре государственного аппарата и численности работников правоохранительных органов. Доклад на II Пленуме Казкрайкома ВКП(б) содержит данные о привлечении к ответственности участников хлебозаготовительной кампании и применявшихся мерах наказания [11, p. 40–41]. В труде «Казахстан в поле социалистических реконструкций» представлены материалы о направлениях деятельности правоохранительных органов и составе осужденных в ходе посевной и хлебозаготовительной кампаний 1928–1929 гг. [12]. Данные источники позволяют проследить особенности официального партийного дискурса, нормативного регулирования и изменения роли правоохранительных органов в условиях формирования административно-командной системы.

Анализ. Приспособление правоохранительных органов к административно-командной системе происходило в нескольких направлениях.

1. Структурные изменения в правоохранительных органах и усиление роли ОГПУ. С конца 1920-х гг. в СССР, в том числе в Казахстане, все отчетливее утверждалась административно-командная система, характеризовавшаяся концентрацией власти в руках партийного руководства, директивными методами управления и подчинением государственных институтов партийным решениям [9]. Ее влияние распространилось на судебные органы, прокуратуру, милицию, органы внутренних дел и государственной безопасности. При этом изменения затронули не только организационную структуру органов государственной безопасности, но и характер деятельности прокуратуры, судебно-следственных учреждений и милиции, которые постепенно включались в механизм реализации партийно-государственных решений. На примере Казахстана будет проанализирован процесс структурной перестройки правоохранительной системы в 1925–1932 гг., при этом основное внимание уделено ОГПУ как органу, полномочия и функции которого в рассматриваемый период претерпели наиболее существенную трансформацию.

Преобразование ВЧК в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР в 1922 г., а затем в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР в 1923 г. сопровождалось формированием системы полномочных представительств в союзных и автономных республиках. Они обеспечивали организационное руководство территориальными органами государственной безопасности, формируя вертикальную систему управления ОГПУ в союзных и автономных республиках [15]. В результате такого взаимодействия формировались механизмы межведомственного контроля, позволявшие ОГПУ участвовать в реализации государственных задач на региональном уровне. С назначением Ф.И. Голощекина первым секретарем Казкрайкома ВКП(б) в октябре 1925 г. начался новый этап адаптации органов ОГПУ к административно-командной системе, сопровождавшийся расширением организационной структуры, увеличением объема выполняемых функций и усилением полномочий.

В 1925–1926 гг. одним из направлений деятельности казахстанских органов ОГПУ являлось участие в мероприятиях по борьбе с басмаческим движением на южных рубежах СССР. В этих операциях привлекались подразделения войск ОГПУ, включая Алма-Атинские формирования, действовавшие против басмаческих отрядов в приграничных районах Средней Азии [17, p. 68–73]. В дальнейшем функции органов ОГПУ значительно расширились и стали включать участие в проведении политико-экономических кампаний, контроле за исполнением государственных решений и взаимодействии с местными органами власти. Вышедшее в ходе хлебозаготовительной

кампании постановление Секретариата Казахского краевого комитета ВКП(б) от 7 января 1928 г. «По вопросам о хлебозаготовках» свидетельствует о расширении круга задач, возложенных на органы ОГПУ. В соответствии с пунктом 12 постановления, Прокуратуре Республики поручалось установить и привлечь к ответственности лиц, виновных в повышении цен на зерно и муку в Актюбинской губернии. Пунктом 14 Полномочное представительство ОГПУ, прокуратура и их местные органы обязывались оказывать полное содействие выполнению всех директив, направленных на ускорение хлебозаготовок [27]. Таким образом, в ходе хлебозаготовительной кампании расширялись полномочия ОГПУ и изменялось его место в системе правоохранительных органов: органы государственной безопасности стали одним из участников реализации партийно-государственных решений. Одновременно менялась структура взаимодействия правоохранительных органов, поскольку ОГПУ, прокуратура и судебно-следственные органы привлекались к совместному выполнению задач, определяемых партийным руководством.

К концу 1920-х гг. круг функций органов ОГПУ значительно расширился, что отразилось на их положении в системе правоохранительных органов. Подобная тенденция получила дальнейшее развитие в 1929 году. Так, протокол № 140 заседания Бюро Казкрайкома ВКП(б) от 14 сентября 1929 г. поручал НКЮ и органам ОГПУ организовать проверку исполнения директив ЦК по борьбе со спекуляцией, усилению давления на кулацко-зажиточные хозяйства и выполнению хлебозаготовительного плана [32]. Данный документ свидетельствует об изменении положения органов ОГПУ в системе правоохранительных органов: они включались в механизм практической реализации решений партийного руководства наряду с другими государственными структурами. Уже протокол № 142 от 21 сентября 1929 г. обязывал секретариат совместно с НКЮ, ОГПУ и другими ведомствами разработать меры борьбы со спекулятивными элементами, срывавшими выполнение плана хлебозаготовок [33]. Совместное привлечение различных правоохранительных органов отражало формирование новой структуры их взаимодействия, основанной на координации деятельности под руководством партийных органов. Оба постановления 1929 г. подписаны первым секретарем Казкрайкома ВКП(б) Ф.И. Голощекиным. Содержание указанных постановлений свидетельствует о формировании новой структуры взаимодействия правоохранительных органов, при которой ОГПУ, НКЮ и другие ведомства совместно обеспечивали выполнение решений партийного руководства.

Наряду с хлебозаготовительной кампанией изменения в структуре взаимодействия правоохранительных органов проявились и в ходе конфискации имущества зажиточных слоев населения в 1928 году. Проведение этой кампании обеспечивалось совместными действиями партийных органов, НКЮ, прокуратуры, судебных органов и ОГПУ [4]. Участие различных правоохранительных структур в одной кампании свидетельствовало о постепенном изменении их функций: НКЮ, прокуратура и судебные органы все теснее взаимодействовали с органами государственной безопасности при реализации административных мер. Вместе с тем архивные документы свидетельствуют о постепенном усилении роли органов государственной безопасности в ее реализации. Так, директива ЦК ВКП(б) от 9 августа 1928 г., подписанная секретарем ЦК В.М. Молотовым, предусматривала высылку «явных контрреволюционных элементов» за пределы Казахстана по линии ОГПУ [20]. В постановлении партийной комиссии по проведению конфискации от 16 августа 1928 г. утверждалось представленное Полномочным представительством ОГПУ распределение хозяйств, подлежащих конфискации, по округам [29]. В дальнейшем постановлением Бюро Казкрайкома ВКП(б), подписанным Ф.И. Голощекиным, разрешалась передача конфискованного по линии ОГПУ скота в пользу коллективизирующегося батрачества и бедноты с распространением этого решения на все округа республики [34]. Рассмотренные материалы показывают, что в ходе конфискации происходили структурные изменения в организации деятельности правоохранительных органов: за ОГПУ закреплялись организационные функции по подготовке и проведению мероприятий, включая распределение подлежащих конфискации хозяйств и реализацию

принятых решений во взаимодействии с партийными органами, прокуратурой и другими государственными структурами.

Еще одним направлением структурных изменений правоохранительной системы стало создание внесудебных органов при ОГПУ и НКВД, что изменило порядок принятия решений по уголовным делам и усилило роль органов государственной безопасности в механизме реализации партийных директив. Архивные документы свидетельствуют, что уже с 1925 г. в Казахстане начали функционировать Особые комиссии и тройки, учреждавшиеся для оперативного исполнения решений партийного руководства в ходе государственных кампаний. Так, в 1925 г. при НКВД была создана Особая комиссия, уполномоченная принимать решения о высылке лиц, отнесенных к категории «социально опасных элементов». В ее состав входили помощник прокурора республики по делам ОГПУ, председатель ОГПУ и его заместитель [38]. Одновременно при губернских, областных и окружных исполнительных комитетах создавались тройки [37]. В последующие годы их состав и компетенция расширялись в зависимости от задач очередных государственных кампаний. В 1927 г. тройки, созданные для борьбы со скотокрадством, получили право принимать решения о высылке лиц, признанных виновными в подобных преступлениях [21]. В 1928 г. была образована тройка по обеспечению хлебозаготовительной кампании, а в 1931 г. по инициативе партийных органов создана новая тройка с обязательным участием представителя ОГПУ [30].

Проведенный анализ архивных документов показывает, что в рассматриваемый период в Казахстане произошла структурная перестройка правоохранительной системы, выразившаяся в изменении форм взаимодействия органов, закреплении новых функций ОГПУ и укреплении его роли в реализации партийно-государственных решений совместно с прокуратурой, НКЮ и судебно-следственными органами. Создание внесудебных органов, участие ОГПУ в проведении хозяйственно-политических кампаний и усиление контроля над деятельностью других правоохранительных структур свидетельствовали о постепенной интеграции правоохранительного аппарата в механизм административно-командного управления. В результате органы государственной безопасности заняли центральное место в системе реализации партийных решений, выполняя не только задачи обеспечения государственной безопасности, но и функции политико-административного контроля.

2. Влияние политико-экономических кампаний на адаптацию правоохранительных органов к административно-командной системе. Политико-экономические кампании конца 1920-х – начала 1930-х гг. стали основным механизмом подчинения правоохранительной системы задачам централизованного государственного управления. В этих условиях деятельность прокуратуры, Наркомата юстиции, судов и органов ОГПУ последовательно выводилась за рамки функций по охране законности и переориентировалась на обеспечение хозяйственно-политических директив партии. Архивные документы показывают, что правоохранительные структуры привлекались к проведению кампаний не в качестве надзорного органа, а как непосредственный инструмент принуждения, чья нормативная и практическая деятельность полностью адаптировалась к требованиям административно-командной системы.

Ярким примером перестройки работы правоохранительных органов под партийные задачи стала кампания по конфискации имущества крупных байских хозяйств. В 1928 г., согласно «Материалам о конфискации байства», представители ГПУ и прокуратуры были напрямую включены в состав Республиканской центральной конфискационной комиссии, а выявление подлежащих конфискации хозяйств возлагалось на органы ОГПУ [20]. В ходе кампании создавались специальные тройки при окружных комитетах ВКП(б), организовывался учет байских и кулацких хозяйств, а также привлекались отряды ОГПУ и милиции для обеспечения проведения конфискационных мероприятий [16]. Порядок учета имущества фиксировался «Протоколами комиссии по проведению конфискации имущества баев-полуфеодалов» от 16 августа 1928 года. В ходе реализации кампании действия, расцененные как сопротивление конфискации, стали квалифицироваться как государственные преступления. В этих условиях роль ОГПУ в реализации

государственной политики на местах последовательно возрастала [29]. Это способствовало формированию юридических механизмов как правового обеспечения партийных директив и расширению репрессивных полномочий правоохранительных органов.

Исполнение этих установок демонстрирует полную интеграцию правоохранительных структур в проведение политических кампаний. По «Информационным сводкам Казкрайкома ВКП(б) о ходе конфискации имущества баев-полуфеодалов» от 25 октября 1928 г., составленным на основе данных ПП ОГПУ по КазАССР, за противодействие конфискации и агитацию было арестовано 148 человек (наибольшее число – в Алма-Атинском, Актюбинском, Акмолинском и Каркаралинском округах), из которых лишь 32 человека были освобождены, а остальные направлены в следственные органы [13]. Это подтверждает, что юстиция и ОГПУ действовали как единый механизм реализации партийной политики. Дальнейшее закрепление этой роли прослеживается в секретном циркуляре Наркома юстиции РСФСР Н.В. Янсона от 1 января 1929 г., предписывавшем судам и прокурорам координировать действия с ОГПУ и передавать ключевые дела на внесудебное рассмотрение Коллегии ОГПУ [3]. На местах это привело к прямому выполнению установки на ускорение репрессий: как показано в «Докладах и отчетах Отдела прокуратуры НКЮ КССР в КазЦИК» от 7 октября 1929 г., окружной прокурор Покровский (Сырдарьинский округ) требовал завершать расследование дел в семидневный срок, проводить показательные процессы и конфисковать имущество еще до вынесения судебного решения [8].

Наиболее полно адаптация правоохранительных органов к роли исполнителей партийных кампаний проявилась в ходе заготовок сельскохозяйственной продукции 1929–1932 годов. Органы юстиции, прокуратуры и суда были массово мобилизованы на обеспечение планов по заготовке хлеба, мяса, сырья и утиля. Механизм этой трансформации официально зафиксирован в совершенно секретном «Докладе об итогах выполнения директив ЦК и Крайкома ВКП(б) об исправлении перегибов, допущенных в период весенней кампании 1929–30 г.», подготовленном заместителем наркома юстиции и прокурором республики Гринбергом. Документ ценен тем, что показывает, как отправка прокуроров и судей в районы в качестве уполномоченных по заготовкам привела к полной ликвидации прокурорского надзора. Прокуратура и суд постепенно утрачивали традиционные надзорные функции, включаясь в выполнение хозяйственно-заготовительных задач. На местах это вылилось в организацию принудительных мер и прямого насилия: в Азатском районе Акмолинского округа уполномоченные применяли избиения и обливание холодной водой; в селе Шамалган Калининского района Алма-Атинской области заколотили двери и окна 22 хозяйств; в Аккемерском районе Актюбинского округа уполномоченный Позднов применял физическое насилие и глумление; в Илекском районе того же округа были арестованы 220 бедняков-казахов за невыполнение зернового плана с применением пыток и инсценировки повешения; в Кряковском районе Павлодарского округа батрака Нагумана пытали в ледяной проруби, а в Илийском районе Алма-Атинской области районный прокурор Кайбалдин лично обложил хозяйства принудительной сдачей костей, собачьих шкур и конского волоса [6].

Официальное признание руководства юстиции в лице Гринберга о подмене функций надзора хозяйственным администрированием не остановило этот процесс. В последующие 1931–1932 гг. правоохранительные органы окончательно приспособились к требованиям административно-командной системы и продолжали беспрекословно выполнять любые директивы партии. Главным способом адаптации судебно-следственных структур к проведению политико-экономических кампаний и основным доказательством их работы в качестве исполнителей партийных директив стало систематическое и намеренное искажение норм Уголовного кодекса. В сборнике архивных документов «Циркуляры и инструкции НКЮ от 24 февраля 1931 г. – 31 января 1932 г.» констатировалось неправильное применение правоохранительными органами статей Уголовного кодекса в ходе политико-экономических кампаний, что рассматривалось как нарушение революционной законности. В документе отмечалось, что в период хлебозаготовительных, мясозаготовительных

и других кампаний допускались нарушения порядка применения уголовно-правовых норм, в связи с чем давались разъяснения по использованию соответствующих статей Уголовного кодекса (далее – УК) при проведении государственных мероприятий. На практике это выражалось в том, что органы массово квалифицировали мелкие административные нарушения по статье 61 УК как уголовные преступления, причем незнакомых крестьян из разных аулов искусственно объединяли в «организованные группы» для применения наиболее строгого наказания. Статью 107 УК о спекуляции органы юстиции безразборчиво использовали против крестьян, не выполнивших план заготовок или пытавшихся оставить зерно для пропитания семей. По статьям 58-8 и 58-10 УК следствие квалифицировало любые заявления о нереальности заготовительных планов или жалобы на отсутствие хлеба как контрреволюционный саботаж и агитацию. А по статье 79 УК за убой скота репрессивные меры и незаконная конфискация имущества массово распространялись на середняков и бедняков, резавших скот из-за отсутствия кормов [40].

Подводя итоги, можно отметить, что политико-экономические кампании конца 1920-х – начала 1930-х гг. существенно изменили деятельность правоохранительных органов, их функции и методы работы. Прокуратура, суды, органы юстиции и ОГПУ были включены в выполнение партийных директив и реализацию хозяйственно-политических задач. В ходе кампаний их деятельность была связана с обеспечением выполнения установленных решений, что отражалось на практике применения правовых норм. Выявленные случаи нарушения порядка применения уголовного законодательства возлагались непосредственно на правоохранительные органы, хотя их работа осуществлялась в рамках задач, определенных партийными решениями. К началу 1930-х гг. правоохранительная система была приспособлена к административно-командной модели управления.

3. Роль профессиональной компетентности сотрудников правоохранительных органов в адаптации к административно-командной системе. Проведенный анализ показывает, что в ходе политико-экономических кампаний конца 1920-х – начала 1930-х гг. деятельность органов прокуратуры, юстиции, судов и ОГПУ полностью подчинилась реализации директив государственного руководства. Одним из факторов, способствовавших адаптации правоохранительной системы к условиям административно-командного управления, стало кадровое состояние системы: низкий уровень специальной юридической подготовки работников, высокая текучесть кадров и приоритет классово-политических критериев над профессиональными. Архивные документы свидетельствуют о глубоком кадровом кризисе в правоохранительных органах КазАССР во второй половине 1920-х годов. Согласно «Отчетам о личном составе прокуратуры и о деятельности Народного комиссариата юстиции Казахской АССР» от 1 октября 1926 г., из 128 работников прокуратуры лишь 7 % имели высшее образование, тогда как 57 % обладали лишь начальным (низшим) уровнем грамотности, а остальные – средним или незаконченным средним. В судебной системе ситуация складывалась аналогичным образом: из 199 председателей народных судов высшим юридическим образованием обладал только 21 человек [26]. Низкий уровень правовой культуры на местах привел к тому, что сотрудники были не способны проводить самостоятельный анализ нормативных актов, полностью зависели от циркуляров сверху и воспринимали любой административный приказ как абсолютную норму права.

Правовая нестабильность усугублялась колоссальной текучестью кадров. По данным «Годового отчета отдела прокуратуры Наркомата юстиции КазАССР», в 1925–1926 гг. из состава губернских прокуроров и их помощников было освобождено 56 % работников (55 человек), а в 1926 –1927 гг. еще 51 % (47 человек) [10]. В указанном отчете отмечалась необходимость укрепления кадрового состава, повышения уровня правовой подготовки работников, разъяснения принципов советской законности и улучшения условий их службы. По нашему мнению, в условиях постепенного утверждения административно-командной модели управления кадровая перестройка правоохранительных органов сопровождалась изменением требований к сотрудникам: сохранялись и закреплялись в системе работники,

способные адаптироваться к новым условиям деятельности государственных органов и выполнять задачи, определяемые партийно-государственным руководством. Данное предположение подтверждается последующими материалами о проведении кадровой «очистки» и обновлении состава судебно-прокурорских органов, отражающими изменение принципов подбора и продвижения кадров.

В условиях форсированных социально-экономических преобразований партийно-идеологическое руководство сделало сознательную ставку не на повышение квалификации сотрудников, а на целенаправленное кадровое «очищение» судебно-прокурорских органов. В приложении к протоколу № 92 заседания Бюро Казкрайкома ВКП(б) от 8 октября 1927 г., напрямую ставилась задача провести «очистку» судебно-следственного аппарата и укомплектовать его проверенными кадрами [28]. Данная линия была окончательно закреплена в Протоколе № 108 заседания Секретариата Казкрайкома ВКП(б) от 21 ноября 1929 г. который предусматривал обновление кадрового состава судов, прокуратуры и следствия на 50 % за счет выдвижения рабочих, батраков и бедняков в двухмесячный срок, а также организацию для них краткосрочных юридических курсов [31].

Приоритет классово-политических критериев над профессиональными открыто транслировался через республиканскую прессу. В публикации Н. Сырғабайұлы «Сот органдарының кемшіліктерін жоямыз» в газете «Еңбекші қазақ» подчеркивалось, что работниками суда должны быть «политически правильные» люди, способные проводить классовую линию, в то время как юристы, проявлявшие «колебания» или склонность к соблюдению формальной законности, подлежали безусловному удалению [39]. В результате профильное образование и приверженность процессуальным нормам стали трактоваться как «буржуазный формализм», а главное требование к сотруднику сводилось к классовому чутью и готовности выполнять директивы власти любой ценой.

Именно сочетание недостаточной юридической подготовки и стремления избежать политических обвинений определяло поведение значительной части работников правоохранительных органов в ходе хлебозаготовительных и мясозаготовительных кампаний 1929–1932 годов. Не обладая достаточными профессиональными знаниями для самостоятельной оценки правовых ситуаций и опасаясь негативных последствий за невыполнение установок руководства, сотрудники, направлявшиеся в районы в качестве уполномоченных по заготовкам, подменяли надзорные функции методами административного давления. Низкий уровень правовой подготовки в сочетании с необходимостью демонстрировать выполнение директив приводил к массовому искажению практики применения статей Уголовного кодекса (статьи 61, 79, 107, 58-10 УК РСФСР), когда обычные хозяйственные нарушения, неурожаи или отказ от сдачи скота квалифицировались как «контрреволюционный саботаж» и «бандитизм» [6].

Даже к началу 1930-х гг. кадровый голод и некомплект профессионалов оставались хроническими. В 1931–1932 гг. в центральном аппарате прокуратуры КазАССР лишь 4 из 10 сотрудников имели высшее образование, среди 113 народных следователей все характеризовались низшим образованием, а в системе народных судов краткосрочные курсы окончили только 17 человек [7]. В то же время на страницах газеты «Еңбекші қазақ» продолжали выдвигаться требования о проведении систематических чисток судебно-прокурорских органов. Публикация «...Әлі күнге жұмысын жаңа әдіске, жаңа жолға салудың орнына...» обосновывала необходимость освобождения органов суда и прокуратуры от работников, не отвечавших политическим требованиям партии [41]. В статье «Сот, заң органдарында қате, кемшілік көп...» критиковалось следование формальным нормам права и подчеркивалась необходимость подготовки кадров, способных проводить партийную линию в деятельности правоохранительных органов [42].

Выявленные изменения показывают, что кадровая перестройка правоохранительной системы в 1925–1932 гг. была связана не только с восполнением профессионального дефицита, но и с изменением требований к сотрудникам. Недостаточный уровень юридической подготовки, постоянная смена кадров и проведение очистительных мероприятий

способствовали формированию аппарата, ориентированного на выполнение задач административно-командного управления, где способность реализовывать решения партийно-государственного руководства становилась важным условием профессиональной деятельности.

Результаты. Проведенное исследование показало, что приспособление правоохранительных органов Казахстана к административно-командной системе в 1925–1932 гг. носило комплексный характер и происходило по трем направлениям: через структурные изменения системы, трансформацию деятельности органов в ходе политико-экономических кампаний и кадровую политику партийного руководства.

Установлено, что в этот период расширялись полномочия ОГПУ, создавались внесудебные органы, укреплялось взаимодействие ОГПУ, прокуратуры, Наркомата юстиции и судебно-следственных органов при реализации партийных решений. В результате правоохранительные органы были включены в механизм административно-командного управления, а ОГПУ заняло ключевую роль в исполнении партийных директив.

Исследование показало, что политико-экономические кампании изменили функции правоохранительных органов: прокуратура, суды, органы юстиции и ОГПУ все больше привлекались к выполнению решений партийного руководства и проведению хозяйственно-политических мероприятий. Это проявилось в ускоренном рассмотрении дел, расширительном применении уголовного законодательства и использовании внесудебных механизмов.

Анализ кадровых документов выявил, что изменение правоохранительной системы сопровождалось перестройкой принципов формирования кадров. Наряду с подготовкой работников значение приобретали социальное происхождение, политическая благонадежность и соответствие требованиям партийной кадровой политики. «Очистки» и обновление кадров усиливали зависимость сотрудников от партийных решений.

Совокупность этих процессов показывает, что приспособление правоохранительных органов к административно-командной системе происходило через изменение структуры, функций, правоприменительной практики и кадровой политики, что привело к превращению правоохранительного аппарата в часть механизма реализации партийно-государственной политики в Казахстане.

REFERENCES

1. Abylhozhin Zh.B. *Ocherki socialno-ekonomicheskoy istorii Kazakhstana XX veka* [Essays on the Socio-Economic History of Kazakhstan of the Twentieth Century]. Almaty, Turan Publ., 1997. 360 p.
2. Bibilo V.N. *Sudoustroystvo* [Judicial System]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2001. 328 p.
3. Cirkulyary i direktivnye ukazaniya NKYu. 15.1.1928 g. [Circulars and Directive Instructions of the People's Commissariat of Justice. Jan. 15, 1928]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 213, l. 8.
4. Danilov V.P., ed. *Tragediya sovetskoy derevni: kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. V 5 t. T. 1. May 1927 – noyabr 1929* [The Tragedy of the Soviet Village: Collectivization and Dekulakization. Documents and Materials. In 5 Vols. Vol. 1. May 1927 – November 1929]. Moscow, Rosspen Publ., 1999. 877 p.
5. Dobrovol'skaja T.N., Novikov S.G., Raginskij M.Ju. *Kak ustroeny sud i prokuratura v SSSR* [How the Court and the Procurator's Office Are Structured in the USSR]. Moscow, Jurid. lit., 1961. 110 p.
6. Doklad ob itogakh vypolneniya direktiv TsK i Kraikoma VKP(b) ob ispravlenii peregibov dopushchennykh v period vesenney kampanii 1929–1930 godov [Report on the Results of the Implementation of the Directives of the Central Committee and the Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the Correction of Excesses Committed During the Spring Campaign of 1929–1930]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 248, l. 2-5.
7. Dokladnye zapiski i svedeniya o deyatelnosti NKYu KazASSR Kazakhskogo otdeleniya Verkhovnogo suda RSFSR 17 maya 1931 – 20 dekabrya 1932 goda [Memoranda and Information on the Activities of the People's Commissariat of Justice of the KazASSR of the Kazakh Branch of the Supreme Court of the RSFSR. May 17, 1931 – December 20, 1932]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 420, l. 8-34.
8. Doklady i otchety otd. Prokuratury NKYu KSSR v KazTsIK. 7 oktyabrya 1929 g. [Reports and Accounts of the Department of the Prosecutor's Office of the NKJ of the Kazakh SSR to the KazCIK. October 7, 1929]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 214, l. 104.

9. Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s.* New York, Oxford University Press, 1999. 288 p.

10. Godovoy otchet otdela Prokuratury Narkomyusta KazASSR. 1 oktyabrya 1927 g. [Annual Report of the Department of the Prosecutor's Office of the People's Commissariat of Justice of the KazASSR. October 1, 1927]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 141, l. 1.

11. Goloshchekin F.I. *Kazakhstan na putyakh sotsialisticheskogo pereustroystva* [Kazakhstan on the Path of Socialist Reconstruction]. Moscow; Alma-Ata, OGIZ, 1931. 247 p.

12. Goloshchekin F.I. *Kazakhstan v polose sotsialisticheskikh rekonstruktsiy* [Kazakhstan in the Period of Socialist Reconstruction]. Moscow; Alma-Ata, Kazakhstan. kraeved. otdel, 1930. 84 p.

13. Informatsionnye svodki Kazkraikoma VKP(b) o khode konfiskatsii imushchestva baev-polufeodalov. 25.X.1928 goda [Information Bulletins of the Kazkraikom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the Progress of Confiscation of Property of Bai-Feudal Lords. October 25, 1928]. *APRK*, f. 141, inv. 2100, l. 11.

14. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of Political and Legal Doctrines]. Moscow, Yurid. lit., 1985. 320 p.

15. Kamalova G.T. Podrazdeleniya VChK-GPU-OGPU v sisteme organov gosudarstvennoy vlasti (1921–1929 gg.) [Divisions of the Cheka-GPU-OGPU in the System of State Authorities (1921–1929)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2009, no. 2-1, pp. 127-132.

16. Kratkaya svodka o prodelannoy rabote spets. Troyki po direktivam Kraykoma po voprosu vyseleniya kulachestva, na 7.11.1930 g. [Brief Summary of the Work of the Special Troika on the Directives of the Regional Committee on the Eviction of the Kulaks. As of Nov. 7, 1930]. *APRK*, f. 141, inv. 3297, l. 73.

17. Magomedhanov V.M., Sandalov I.A. Voiska OGPU–NKVD v borbe s basmachestvom na sovetsko-persidskoy i sovetsko-afganskoy granitsakh v 20–30-e gody XX v. [The OGPU–NKVD Troops in the Fight Against the Basmachi Movement on the Soviet–Persian and Soviet–Afghan Borders in the 1920s–1930s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Journal of History], 2024, no. 87, pp. 60-73.

18. Maljarov M.S. *Organy prokuratury v SSSR* [Prosecution Bodies in the USSR]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1973. 230 p.

19. *Materialy k otchetu TsIK KazASSR na 3 sessii VCIK 13 sozyva* [Materials for the Report of the CEC of the KazASSR at the 3rd Session of the All-Russian Central Executive Committee of the 13th Convocation]. Kyzyl-Orda, TsIK Kazakhstana, 1928. 140 p.

20. Materialy o konfiskatsii baystva. 9.VIII. – 14.X. 1928 goda [Materials on the Confiscation of Bai Property. August 9 – October 14, 1928]. *APRK*, f. 141, inv. 2067, l. 1.

21. Materialy po borbe s prestupnost'yu v KASSR [Materials on the Fight Against Crime in the Kazakh ASSR]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 109, l. 163.

22. Nureev R.M. Sotsialnye subyekty postsovetskoy Rossii: istoriya i sovremennost [Social Subjects of Post-Soviet Russia: History and Modernity]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*, 2001, no. 3, pp. 3-65.

23. Omarbekov T. *20–30 zhyldardagy Qazaqstan qasireti. Komekshi oqu quraly* [The Tragedy of Kazakhstan in the 20–30s. Auxiliary Training Manual]. Almaty, Sanat, 1997. 320 p.

24. Omarbekov T. Qazaqstanda revolyuciyalyq zandylyq qalaj zhүrgizildi? [How Was Revolutionary Legality Carried Out in Kazakhstan?]. *Aqiqat*, 1995, no. 4, pp. 29-32.

25. Omarbekov T. Sharualarga shabuyl qalaj zhasaldy [How the Attack on the Peasants Was Carried Out]. *Aqiqat*, 1993, no. 9, pp. 62-69.

26. Otchety o lichnom sostave prokuratury i o deyatelnosti Narkomyusta KazASSR. 1 oktyabrya 1926 g. [Reports on the Personnel of the Prosecutor's Office and on the Activities of the People's Commissariat of Justice of the KazASSR. October 1, 1926]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 99, l. 1-3.

27. Prilozhenie k protokolu № 6 Zasedanie Sekretariata Kraikoma ot 7/1–28 g, k punktu 4 [Appendix to Protocol No. 6 of the Meeting of the Regional Committee Secretariat of 7/1–28, to Item 4]. *APRK*, f. 141, inv. 1827"a", l. 6.

28. Prilozhenie k protokolu № 92 zasedaniya Byuro Kazkraikoma VKP(b) ot 8 oktyabrya 1927 g. [Appendix to Protocol No. 92 of the Meeting of the Bureau of the Kazkraikom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of October 8, 1927]. *APRK*, f. 141, inv. 1038, l. 49-50.

29. Protokol 1 Zasedaniya partiynoy komissii po provedeniyu konfiskatsii sostoyavshegosya 16 avgusta 1928 goda [Protocol 1 of the Meeting of the Party Commission on the Implementation of Confiscation Held on August 16, 1928]. *APRK*, f. 141, inv. 2289, l. 116.

30. Protokol № 77/s [Protocol No. 77/s]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 139, l. 16.

31. Protokol № 108 zasedaniya Sekretariata Kazkraikoma VKP(b). 21 noyabrya 1929 g. [Protocol No. 108 of the Meeting of the Secretariat of the Kazkraikom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). November 21, 1929]. *APRK*, f. 141, inv. 2397, l. 384.

32. Protokol № 140 Zasedanie Byuro Kazkraikoma VKP(b) 14 sentyabrya 1929 g. [Protocol No. 140 of the Meeting of the Bureau of the Kazkraikom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on September 14, 1929]. *APRK*, f. 141, inv. 338, l. 270.

33. Protokol № 142 Zasedanie Byuro Kazkraikoma VKP(b) 21 sentyabrya 1929 g. [Protocol No. 142 of the Meeting of the Bureau of the Kazkraikom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on September 21, 1929]. *APRK*, f. 141, inv. 338, l. 292.

34. Protokol № 168 Zasedanie Byuro Kazkraikoma VKP(b) 11 yanvarya 1930 goda [Protocol No. 168 of the Meeting of the Bureau of the Kazkraikom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on January 11, 1930]. *APRK*, f. 141, inv. 2926, l. 39.

35. Qozybaev M.Q., Abylhozhin Zh.B., Aldazhumanov K.S. *Kollektivizatsiya v Kazakhstane, tragediya krestyanstva* [Collectivization in Kazakhstan, the Tragedy of the Peasantry]. Alma-Ata, In-t istorii i etnologii im. Ch.Ch. Valikhanova, 1992. 20 p.

36. *Sistematicheskoe sobranie zakonov KazASSR, deystvuyushhikh na 1-oe yanvarya 1930 g.* [Systematic Collection of Laws of the KazASSR in Force on January 1, 1930]. Alma-Ata, Upravlenie delami SNK KASSR, 1930. 224 p.

37. Polozhenie ob administrativnykh vysylkakh. Sekretno. 24/VII-1927 g. [Regulation on Administrative Expulsions. Secret. July 24, 1927]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 157, l. 52.

38. Razyasnenie otdela prokuratury. 24/VII-1927 g. [Clarification from the Prosecutor's Office Division. July 24, 1927]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 157, l. 51.

39. Syrgabayuly Nyghymet. Sot organdarynyn kemshilikterin zhoyalmyz [Let Us Eliminate the Shortcomings of the Judicial Bodies]. *Enbekshi Qazaq*, 1929, 16 shilde, no. 135 (1464).

40. Tsirkulyary i instruktsii NKYu. 24.II.1931-31.I.1932 [Circulars and Instructions of the People's Commissariat of Justice. February 24, 1931 – January 31, 1932]. *TsGA RK*, f. 1380, inv. 389, l. 27-31.

41. Zang ordandarymyz tap kuraly bola bilsin [Our Judicial Bodies Must Be a Class Instrument]. *Enbekshi Qazaq*, 1931, 24 qantar, no. 19 (1911).

42. Zang ordandarynyn 2 beszhylzdyktyn algashky zhyldaryndagy mindetteri turaly [On the Tasks of the Judicial Bodies in the First Years of the Second Five-Year Plan]. *Enbekshi Qazaq*, 1932, 3 qantar, no. 3.

Information About the Authors

Samal Sagnaikyzy, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Almaty Technological University, Tole bi St, 100, 050012 Almaty, Republic of Kazakhstan, samal7373@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6335-3271

Spatay A. Sartaev, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Researcher, Department of Theory and History of State and Law, Constitutional and Administrative Law, Al-Farabi Kazakh National University, Prosp. Al-Farabi, 71, 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan, spatay.sartaev@kaznu.edu.kz, https://orcid.org/0000-0002-9865-7363

Информация об авторах

Самал Сағнайқызы, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины», Алматинский технологический университет, ул. Толе би, 100, 050012 г. Алматы, Республика Казахстан, samal7373@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-6335-3271

Спатай Алтынбекович Сартаев, кандидат юридических наук, доцент, исследователь кафедры теории и истории государства и права, конституционного и административного права, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, просп. Аль-Фараби, 71, 050040 г. Алматы, Республика Казахстан, spatay.sartaev@kaznu.edu.kz, https://orcid.org/0000-0002-9865-7363